

ОБРАЗ ХРИСТИАН

*в представлении язычников
Римской империи*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РИМСКОЙ империи было, безусловно, осуществлением божественного плана в истории. Христианство возникло в эпоху наибольшей за предыдущие столетия политической, экономической и социальной стабильности. Римские легионы охраняли Pax Romana (Римский мир) на громадной территории от Британии до Египта, от Испании до страны Парфян. Римское право утвердило равенство между гражданами Империи. Сеть дорог, пронзавших провинции, неизменно приводивших в главный Город мира, обеспечивала легкую доставку не только имперской почты и переброску войск из одного пункта в другой, но и предоставляла возможность для распространения учений, мнений, философских воззрений. Всё это превращало бывшее царство Ромула в могущественную империю-ойкумену – образец глобализации древнего мира.

КОНФЛИКТ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

◆ Христианство, появившееся как «секта внутри иудаизма, превращенная Апостолом Павлом в религию»¹¹, противопоставило себя классическому язычеству греко-римского типа. Начавшись с небольшой группы единомышленников в Иерусалиме, это движение прирастало повсеместно образуемым общинами. После 70 года первого столетия, когда Иудейская война и разрушение Иерусалима нанесли сокрушительный удар по иудаизму, христианство еще явственнее и рельефнее отобразилось на фоне язычества как самостоятельная религия, не имеющая мировоззренческой зависимости от обрядов древних иудеев. Это послужило тому, что язычество, доселе близоруко не отличавшее иудаизм от учения Христа, внезапно поняло, что имеет дело с самодостаточной, динамично развивающейся идеологией, претендующей на большое будущее по причине принципиально нового взгляда на мир, человека, власть, политику и Божество.

Опасность христианства для огосударственного греко-римского многобожия была в том, что оно своим единобожием подрывало те плюралистически-толерантные основы политизма, на которых зиждилась имперская власть. Учение Христа, не допускавшее мысли о том, что кесарь может быть, даже условно и символически, назван богом, входило в прямой конфликт не только с религиозным содержанием римского вероисповедания: оно покушалось на самую суть мировоззрения. Оно заяв-

ляло, что Рим и все что с ним связано, — лишь временное явление, проходящее, как и все прежние царства мира, а император и его требования поклонения себе — это лишь глупый фарс, очередная людская выдумка, каких История знает великое множество. Не призывая к бунту против существующей власти, христианство игнорировало те ценности, на которые опиралась власть.

Сила молодой религии была в том, что она безапелляционно утверждала свое эксклюзивное право на обладание истиной. И хотя это же делали другие религии и философские течения, христианство неизъяснимой силой направляло поиск души всякого человека именно к тому «неведомому божеству» (Деян. 17:23), встречи с которым так жаждало людское естество. Сила христианства была не в мистериях, производящих чарующее впечатление на адептов, не в железной логике доводов и доказательств, а в правде, понятной для человека любого сословия, расы и пола, так естественно проникающей и находящей свое место в сердцах. Христианство давало человеку то, что язычество было бессильно предоставить! Оно так ясно и просто говорило о том, что язычество интуитивно угадывало, но не могло пересказать по причине своей ограниченности и скудости.

Конечно же, подобное сосуществование не могло не привести к жестокому антагонизму. Почувствовав смертельную опасность, религия, власть, все общественные институты Империи обратили свое негодование и волю к тому, чтобы уничтожить христианскую церковь. И стихийные выгоды Нерона, направившего на христиан злобу римских погорельцев,

¹¹ Санатала Р. Апостол Павел. СПб.: Библия для всех, 1997. — С. 11.

и программное заявление Диоклетиана «Да исчезнет имя христианское!» — все было устремлено к тому, чтобы искоренить и упразднить новую веру, неуклонно ведущую к разрушению языческого века. Но чтобы осуществить уничтожение, необходимо было подвести под это идеологическую платформу. Для языческой власти, отчаянно конкурирующей с нарастающим влиянием нового учения, понадобилась общественное мнение, позволяющее обратить весь народный гнев на инакомыслящих. Как выразился итальянский богослов Луиджи Джуссани: «Макбет убил семерых... Для того чтобы убить миллионы, необходим множитель, коим является идеология»^[2].

Мнение о христианах, существовавшее в Римской империи I — III вв. мы находим в первоисточниках того времени. Мы рассмотрим примеры апологетической литературы, в которой опровергаются обвинения против них. Попытаемся также увидеть то, что же писали христианские историки и имперские летописцы о христианах и о действиях, предпринимаемых против них. Нам также интересно будет познакомиться с образцами критики христианства в популярной литературе и философских трактатах того времени. Все эти источники дают нам понять, что молодая религия была презируема, ненавидима и преследуема, а образ христиан был намеренно искажен и обезображен. Попытаемся увидеть то, как ложь во имя уничтожения церкви сделалась общественным мнением, позволившим тиранам и гонителям уверовать в

собственную правоту. Это все поможет нам понять: почему эта религия пацифизма и всепрощения смогла преодолеть государственную репрессивную машину Рима и с триумфом вступить в эпоху свободы.

ПРИЧИНЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ХРИСТИИТАНСТВА И ЯЗЫЧЕСТВА

◆ Что же представлял собой тот мир, в который вторглось христианство? Говоря о мировоззрении римского социума, мы должны отметить громадное влияние на него греческой культуры. Римляне, создавшие понятие закона, и своей железной волей превратившие мир в Империю, с удовольствием и покорностью сами сделались пленниками греческой культуры, науки и искусства. Как писал Гораций во времена Августа:

«Греция, взятая в плен,
победителей диких пленила,
В Лаций суровый искусство внесла...»^[3].

В этом, конечно же, был Божественный промысел: мир говорил на греческом языке, цитировал Эпименида (Деян. 17:28) и Гомера, изучал в школах труды Сократа и Платона. Греческая культура цивилизовала римское общество, насаждая и развивая способность к абстрактному философскому мышлению.

Христианство вошло в политеистический мир, «особенно набожный» по выражению Апостола Павла (Деян. 17:22). Присутствие богов и поклонение им пронизывало все сферы жизни от рождения до смерти. Жизнь человека в отдельности и общества в целом была направлена к тому, чтобы выстроить взаимовыгодные отноше-

^[2] Луиджи Джуссани. Религиозное чувство. — М.: Христианская Россия, 2000. — С. 108.

^[3] Гораций. Послания к Писсонам об искусстве и поэзии.

ния с божествами, «подкармливая» их жертвоприношениями и «отнимая» у них все, что было возможно отнять. Это состояние вполне характеризует краткая фраза на латыни: «*Rex Deorum*» (мир с богами)^[4]. Таким образом, *Rex Romana* был неизменным следствием *Rex Deorum*. Поклонение богам, отражающим в своей сущности все человеческие превосходства и слабости, покоилось на самой сути язычества. Историк Филипп Шафф пишет, что «язычество — это религия, которая, подобно дикому растению, произрастает на почве падшей человеческой природы, замутненного изначального знания Бога, обожествления разумной и неразумной твари и соответствующего извращения представлений о нравственности, благодаря чему естественные и неестественные пороки получают официальное одобрение»^[5].

Римское сознание, облагороженное и утонченное греческой культурой, опутанное как паутиной языческим поклонением, опиралось на незыблемую, как казалось, идею несокрушимости римского господства. Орлы римских легионов, возведенные в ранг божеств, символизировали могущество и непоколебимость Империи. Император, венчавший пирамиду сил и влияний, со времен Августа перестал быть смертным человеком, но стал богом, требующим подобающего поклонения себе. Вся мощь Рима сконцентрировалась в нем; в него верили и на него уповали. При этом, император, как среднестатистическое божество из пантеона, не был лишен недостатков и не обладал моральной

безупречностью. Поклонение ему, впрочем, как и другим богам, не было преклонением перед нравственным превосходством. Поклонение ему несло в себе элемент символизма, демонстрации покорности и подобострастия, некоего присягания на верность римской идее. Он был, своего рода, гарантом стабильности и равновесия, позволявшим сбалансировать все это многоликое общество, не допуская ему раздробиться на куски.

Однако равновесие, внешне наблюдаемое, было лишь видимостью. Римский мир был поражен жесточайшей болезнью, множество раз охватывавшей рухнувшие до него империи и царства. Имя этой болезни — осознание бессмысленности бытия и глубокая депрессия душ, тоскующих по смыслу. Внешне процветающее язычество уже было гнилым внутри. «Нелепость идолослужения» (1 Пет. 4:3) была очевидна для пытливых умов. Еще за несколько столетий до Августа, Платон (428 — 348 гг. до н.э.) заявил о том, что будь его воля, он запретил бы в государстве чтение гомеровских «Илиады» и «Одиссеи» (лучших жизнеописаний греческих богов), как литературы, уводящей мысль в дебри суеверий и глупости^[6]. А Ксенофан Колофонский (570 — 475 гг. до н.э.) открыто глумился над богами, утверждая, что они — выдумка человеческого воображения^[7]. Софисты и эпикурейцы, скептики и циники античности, уже подрывали народную веру и общественную нравственность своей материальной философией. Все понимали, что миром правит серебро, и наряду со слепой убежденностью в

^[4] Стюарт Дж. Холл. Учение и жизнь Ранней церкви / Пер. с англ. — Новосибирск: Посох, 2000. — С. 13.

^[5] Шафф Ф. История христианской Церкви.

— Т. I: Апостольское христианство. / Пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2007. — С. 58.

^[6] Платон. Государство.

^[7] Ксенофан. Фрагменты.

том, что Вечный Град не может рухнуть, сердца были встревожены апокалипсическими ожиданиями ужасных явлений, природу которых никто не мог объяснить.

Вот в этот мировоззренческий контекст и вторглось христианство. Его искренность и нравственная чистота резко контрастировали с развращен-

---

Римский мир был поражен жесточайшей болезнью, множество раз охватывавшей рухнувшие до него империи и царства. Имя этой болезни – осознание бессмысленности бытия и глубокая депрессия душ, тоскующих по смыслу.

ностью нравов. Среди языческой религии, не признававшей личностной греховности (а, следовательно, не дававшей личностного отпущения грехов), учение Христа вдруг заговорило о персональной вине перед Богом, и о Его персональном прощении грехов. Эта весть нашла громадный отклик в сердцах тысяч людей, чья безбожная жизнь обрела надежду на личное спасение. Христианство устранило депрессивную тоску по смыслу жизни, переистолковывая по-новому старые понятия и вливая радость истинного понимания в происходящее вокруг. В этом была сила его безудержного распространения и неистребимый магнетизм. Империя стала телом, попав в которое, личинка новой жизни стала развиваться, по-

глощая питательную плоть: христианство использовало упорядоченность и единство Римской империи, преобладание греческого языка и культуры для скорейшего своего распространения^[8]. Оно явилось единственной надеждой для этого прогнившего мира, предлагая не исправление, а полную мировоззренческую замену. Категоричное единобожие христиан отрицало всякую императороцентричность, а главный объект поклонения – Рим объявлялся лжебогом. На невидимом духовном уровне происходил глобальный сдвиг в пользу Христа: весь мир был готов «пойти за Ним» (Ин. 12:19).

И Рим интуитивно почуял свою приближающуюся гибель, как смертельно больной человек чувствует приближение конца. Первое время новое учение игнорировали как секту иудаизма, потом хулили, затем запрещали и преследовали как предательское новшество, и, наконец, стали физически уничтожать, карая конфискацией имущества и смертью^[9]. Гонения подогревали общественное мнение, в формировании которого участвовали людская молва и авторское перо античных писателей.

Древние литературные источники донесли до нас основные обвинения, которые были адресованы Церкви. Они сохранились в циничных пасквильных историях, запечатленных римскими острословами вроде Цельса, Порфирия и Лукиана Самосатского. Мы можем их найти и в официальной хронике Тацита и Светония, и в церковных летописях Евсевия Кесарийского и Сульпиция Севера. Деловая переписка Плиния Младшего, легата в Вифинии, с императором Траяном приоткрывает образ христиан и отношение к ним государственных властей.

^[8] Шафф Ф. Указ. соч. – С. 58.

^[9] Шафф Ф. История христианской Церкви. –Т. II: Доникийское христианство / Пер. с англ. – СПб.: Библия для всех, 2007. – С. 25.

Мы видим, как сосредоточенно и ревностно опровергают наговоры и клевету против верующих апологеты христианства Тертуллиан, Минуций Феликс, Иустин Философ.

Собрав воедино эти свидетельства, мы попробуем понять, в чем же обвиняли христиан, где черпали вдохновение и «моральное право» защитники умирающего миропорядка в борьбе с новым, расцветающим учением.

ПОРТРЕТЫ ХРИСТИАН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВРАГОВ ЦЕРКВИ

◆ В качестве примеров критики христианства рассмотрим труды трех античных авторов: Цельса, Порфирия и Лукиана Самосатского. Их объединяет то, что они явно и открыто выражают свою ненависть и презрение к последователям Христа. Следует отметить, что труды Цельса и Порфирия имели столь сильное воздействие, неся в себе отравляющую силу, что даже спустя несколько веков после их написания христианские авторы вынуждены были отвечать им объемными трактатами, опровергающими и нейтрализующими весь яд их заявлений. Труды Лукиана в большей мере направлены на высмеивание и моральную дискредитацию верующих.

Римский философ-платоник второй половины II века Цельс почти не оставил следа в Истории. Его имя известно благодаря его трактату «Истинное слово», написанному в 177 – 179 гг. Само произведение не сохранилось до нашего времени, а о содержании его мы знаем из книги Оригена

(185 – 254 гг. н.э.) «Против Цельса», цель написания которой в разоблачении ложных обвинений, возведенных на учение Христа. Систематический подход Оригена, опровергающего пункт за пунктом выдвинутые обвинения, позволяет нам увидеть содержание «Истинного слова». Основные претензии Цельс высказывает в следующих направлениях:

- Христианство – религия, вышедшая из иудаизма, и имеющая последователей среди невежд.
- Иисус – не Мессия, и, тем более, не Сын Божий. Он – маг и шарлатан, замутнивший сознание доверчивых масс.
- Христианство – противозаконная организация, противящаяся Римскому государству, подрывающая основы морали и несущая разрушение Империи.
- Библия – сборник нелепых сказаний, собранных из разных народов, не имеющая ничего общего с Историей^[10].

В качестве примера, приведем цитату Оригена, которая демонстрирует ход мыслей обвинителя. Цельс описывает то, как христианские проповедники, будучи невежественными ремесленниками, вкрадываются в дома простодушных слушателей и оказывают на них влияние:

В частных домах можно встретить чесальщиков шерсти, кожевников, валяльщиков, людей невежественных и невоспитанных, которые в присутствии домохозяина, человека опытного и рассудительного, не смеют пикнуть ни слова. Но когда им удастся застать одних детей или женщин, у которых не более ума, чем у них самих, то они начинают рассказывать им всякие небылицы.

^[10] См. Против Цельса: Апология христианства. Сочинение Оригена Учителя Александрийского. – 365с.

Но появься только, пока они так говорят, один из наставников, кто поумней, или сам отец, то робкие сейчас же умолкают; более же дерзкие продолжают на ухо убеждать детей сбросить с себя иго, нашептывая им, что в присутствии родителей или наставников они не могут, да и не желают их чему-либо учить, боясь подвергнуться расправе этих грубых и погруженных в пороки людей. Если же дети хотят знать правду, пусть бросят отца и наставников и придут в женскую половину, или в лавки кожевника, или валяльщика — там их научат всему, что надо, чтобы достигнуть совершенства. Вот к каким приемам убеждения прибегают эти люди^[11].

Таким образом, видно, что христиане представлены безнравственными и лукавыми обманщиками, желающими овладеть умами простодушных слушателей.

Гораздо серьезнее выглядят нападки неоплатоника Порфирия (233 — 306 гг. н.э.), посвятившего объёмный труд из 15 книг под названием «Против христиан», жесткой критике христианской веры. Он высмеивает учение о воплощенном Боге, абсурдное с точки зрения неоплатонизма, равно как и веру христиан в воскресение тела. К примеру, Порфирий предпринял детальное критическое исследование Ветхого Завета и установил, что, якобы, Пятикнижие написано не Моисеем, а Ездрой, а книга Даниила — во времена Антиоха Епифана (165 г. н.э.). Сила и убедительность трудов Порфирия в том, что он не прибегал к тактике опорочивания оппонентов,

^[11] Там же. — С. 55.

^[12] Ранович А. Б. Античные критики христианства (Фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.). — С. 108.

^[13] Там же.

как Цельс. Его обвинения базируются на логической аргументации, которой он владел в совершенстве. Как писал советский историк античности А. Б. Ранович в своем труде «Античные критики христианства», «среди аргументов, приводимых Порфирием, не найдется такого, который не был бы использован позднейшей буржуазной критикой евангелий, вплоть до Дрекса»^[12].

Апологетическая реакция Церкви, по отношению к деятельности Порфирия, выразилась в трудах Мефодия Тирского, Евсевия Кесарийского, Аполинария. Ранович упоминает указ императоров-христиан Валентиниана III и Феодосия, изданный в 448 году, в котором предписывается уничтожить все, «что Порфирий, гонимый своим безумием, написал против благочестивой веры христианской, где бы оно ни было обнаружено. Ибо мы хотим, чтобы всякие произведения, вызывающие гнев божий и оскорбляющие душу, не достигали даже до слуха людей»^[13].

Кроме философских выкладок и логических заключений, формированию образа последователей Христа способствовала утончённая сатира Лукиана Самосатского (120 — 180 гг. н.э.). Живя во времена, когда христианство проходило сквозь огонь гонений, и, имея перед собой примеры мучеников, Лукиан пишет юмористическое произведение «Кончина Перегрина» о шарлатане по имени Перегрин (называвшем себя Протеем). Этот герой меняет свои убеждения в зависимости от житейских обстоятельств, обирая простодушных христиан. Даже свое заключение в тюрьму Перегрин использует с целью наживы. Возможно, автор хотел унижить идеал мучеников за веру, низвести его до

уровня безумия и невежества. Не исключено, что образ Перегринна призван был высмеять кого-либо из известных церковных деятелей, уронить его авторитет. Как отмечает профессор Аллен Brent, исследователь в области патрологии, «когда Лукиан описывает Перегринна, он наделяет его многими характеристиками Игнатия Антиохийского, типичными для заключенного в тюрьму христианского мученика»^[14]. Сатирик подчеркивает глупость и невежество рядовых христиан с одной стороны, алчность и бесстыдство христианских лидеров с другой. Вот фрагменты из его книги:

Лишь только Протей был посажен в тюрьму, как христиане, считая случившееся несчастьем, пустили все в ход, чтобы его оттуда вырвать. Когда же это оказалось невозможным, то они старались с величайшей внимательностью всячески ухаживать за Протеем. Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов, детей-сирот. Главари же христиан даже ночи проводили с Протеем в тюрьме, подкупив стражу. Потом туда стали приносить обеды из разнообразных блюд и вести священные беседы.

Христиане проявляют невероятную быстроту действий, когда случится происшествие, касающееся всей общины, и прямо-таки ничего не жалеют. Поэтому к Перегрину от них поступали значительные денежные средства ввиду его заключения в тюрьме, которое превратилось для него в хороший источник доходов. Ведь эти несчастные уве-

рили себя, что они станут бессмертными и будут всегда жить; вследствие этого христиане презирают смерть, а многие даже ищут ее сами. Кроме того, первый их законодатель вселил в них убеждение, что они братья друг другу, после того как отрекутся от эллинских богов и станут поклоняться своему распятому мудрецу и жить по его законам. Поэтому они одинаково ко всему относятся с презрением и все доходы считают общими, так как все подобное они принимают без какого-либо достаточного доказательства.

Так вот, когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства, — он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами^[15].

Итак видно, что языческие авторы использовали обширный список приемов, чтобы осмеять и опровергнуть учение Христа. Их произведения имели двойную цель: отвратить людей от христианства, как от убогой религии, а также разрушить веру самих последователей нового учения.

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХРИСТИАНАХ ИЗ УСТ ИСТОРИКОВ И ПОЛИТИКОВ

◆ Публий Корнелий Тацит (50 — 120 гг. н.э.), известный древнеримский историк, автор знаменитых «Анналов», описывая времена императора Нерона, также упоминает христиан, которых тиран обвинил в поджоге Рима. Тацит, как светский историк, останавливает на них свое внимание, как не небольшом звене в цепи собственных рассуждений об истории Империи. Вот что он пишет:

^[14] Brent Аллен. Игнатий Антиохийский. Епископ-мученик и происхождение епископства. — С. 55.

^[15] Лукиан. Сочинения. Т. II. — С. 294-305.

Никакие человеческие усилия, задачи принцепса (Нерона — прим. автора), приношения богам, не могли истребить позорящей его молвы о преднамеренном поджоге.

И вот, чтобы прекратить слухи, Нерон подыскал виновных и подверг тягчайшим мукам людей, ненавидимых за их мерзости, которых чернь называла христианами. [Прозвание это идет от Христа, который в правление Тиберия был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом].

Итак, сначала были приведены к ответу те, которые покались, затем по их указанию великое множество других, не столько по обвинению в поджоге, сколько уличенные в ненависти к роду человеческому. И к осуждению их на смерть добавилось бесчестие. Многие, одетые в звериные шкуры, погибли, растерзанные собаками, другие были распяты на кресте, третьи — сожжены с наступлением темноты, используемые в качестве ночных светильников. Нерон предоставил свои сады для лицезрения этих огней и устроил игрища в цирке, где сам, наряженный возницей, толкался в толпе плебеев или разезжал на колеснице.

Так что, хотя то и были враги, достойные самой суровой кары, они пробуждали сострадание, поскольку были истреблены не ради общей пользы, но из-за жестокости одного человека^[16].

Скорее всего, Тацит глубоко не вникал в суть христианской веры. Он всего лишь передавал те мнения о христианах, которые были общепринятыми на тот момент. В приведенном отрывке следует отметить не-

сколько выражений, характеризующих образ верующих, и делающую понятным общенародную ненависть к ним. Тацит отмечает, что последователи Христа (исторической личности, по его заключению) — «люди, ненавидимые за их мерзости». Он не распространяется в объяснениях, что под этим подразумевается; это дает нам право считать, что о «мерзостях» знали все, и нет нужды их приводить в данном рассказе. Хотя Тацит и говорит о ложных обвинениях в поджоге, но, все же, не сомневается в том, что христиане — «враги, достойные самой суровой кары», хотя его смущает жестокость, с которой эти люди предаются на смерть. Приведенный фрагмент «Анналов» свидетельствует о том, что образ последователей Христа к 64 году, когда произошел Великий пожар Рима, был обезображен настолько, что обвинения их в поджоге не вызвали больших сомнений, и стали лишь подтверждением молвы об их нечестии.

Другой историк, современник Тацита, Гай Светоний Транквилл (70 — 122 гг. н.э.), личный секретарь императора Адриана, также неслестно отзывается о христианах. В своем труде «Жизнь двенадцати цезарей», описывая время правления Нерона, он приводит ряд событий, среди которых упоминается и действия по отношению к последователям Христа:

Многие строгости и ограничения были при нем (Нероне — прим. автора) восстановлены, многие введены впервые: ограничена роскошь; всенародные угощения заменены раздачей закусок, в харчевнях запрещено подавать вареную пищу, кроме овощей и зелени — а раньше там торговали любыми кушаньями; наказаны христиане, приверженцы

^[16] Тацит. Анналы, XV, 44.

нового и зловредного суеверия; прекращены забавы колесничих возниц, которым давний обычай позволял бродить повсюду, для потехи обманываемая и грабя прохожих; отправлены в ссылку пантомимы со всеми своими сторонниками^[17].

Христиане названы им «приверженцами нового и зловредного суеверия». Из контекста приведенного отрывка можно заключить, что Светоний, перечисляя все нововведения Нерона, обозначенные как «строгости и ограничения», похоже, видит в них позитивные перемены, восстанавливающие справедливость и порядок. Следовательно, наказание христиан (имеются в виду массовые репрессии) — благое дело, служащее к пользе и созиданию. Он и сам, подводя итог рассуждениям, отмечает, что «все эти его (Нерона — прим. автора) поступки не заслуживают нареканий, а порой достойны и немалой похвалы»^[18]. Таким образом, мы видим, что в глазах Светония, последователи христианской веры — люди негодные и достойные наказания. Историк не комментирует их моральный облик, и не пускается в объяснения их зловредности: он просто говорит общепринятые истины, в которых никто не сомневается.

К свидетельствам светских историков можно добавить также свидетельство государственного чиновника. Плиний Секунд Младший (61 — 113 гг. н.э.), находившийся на посту легата в Вифинии, пишет Траяну письмо, в котором приоткрывает нам образ христиан. Плиний спрашивает императора, как ему следует поступать с теми, кто не желает воскурять фимиам язычес-

ким богам? В своем письме он описывает форму богослужения верующих, что является особенно ценным для исследования. Вот фрагменты его письма:

Мне был представлен анонимный донос, содержащий много имен. Тех из них, которые отрицали, что принадлежат или принадлежали к

Христианство устранило депрессивную тоску по смыслу жизни, вливая радость истинного понимания в происходящее вокруг. В этом была сила его безудержного распространения и неистребимый магнетизм.

христианам, причем призывали при мне богов, совершали воскурение ладана и возлияние вина твоему изображению, которое я приказал для этой цели доставить вместе с изображениями богов, и, кроме того, злословили Христа, — а к этому, говорят, подлинных христиан ничем принудить нельзя, — я счел нужным отпустить.

Другие, указанные доносчиком, объявили себя христианами, но вскоре отреклись: они, мол, были, но перестали — некоторые три года назад, некоторые еще больше лет назад, кое-кто даже двадцать лет. Эти тоже все воздали почести твоей статуе и изображением богов и злословили Христа. А утверждали они, что сущность их вины или заблуждения состояла в том, что они имели обычай в определенный день собираться на рассвете и читать, чередуясь между собою, гимн Христу как богу, и что они обязываются

^[17] Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. — С. 202.

^[18] Там же. — С. 203.

клятвой не для какого-либо преступления, но для того, чтобы не совершать краж, разбоя, прелюбодеяния, не обманывать доверия, не отказываться по требованию от возвращения, сданного на хранение. После этого (т.е. утреннего богослужения – прим. автора) они обычно расходились, и вновь собирались для принятия пищи, однако обыкновенной и невинной, но это они якобы перестали делать после моего указа, которым я, согласно твоему распоряжению, запретил гетерии.

Тем более я счел необходимым допросить под пыткой двух рабынь, которые, как говорили, прислуживали [им], [чтобы узнать], что здесь истинно. Я не обнаружил ничего, кроме низкого, грубого суеверия. Поэтому я отложил расследование и прибегнул к твоему совету¹⁹¹.

Из письма явствует, что автор характеризует учение, как «грубое суеверие». При этом кажется, что он приятно удивлен тем, что вопреки распространенному обвинению в каннибализме, христиане на своих богослужениях вкушают пищу «обыкновенную и невинную». Гетерии (товарищества, клубы), запрещенные Плинием, ассоциировались с христианскими богослужениями, и подпадали также под законный запрет. Мы видим, что неприятие поклонения императору и богам, ставило христиан в позицию преступников, а все, что о них говорили люди, укрепляло и обосновывало правильность их следования.

Итак, очевидно, что светские авторы, которые должны были занимать беспристрастную позицию летописцев и

¹⁹¹ Плиний Младший. Письма. Книга X. Письмо 96.

чиновников, безусловно, опирались в своих высказываниях на людскую молву, приписывающую христианам безнравственное, сектантское поведение. И хотя эти авторы и не формируют их образ, они достаточно правдиво отображают общественное мнение в отношении последователей Христа.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ

◆ Еще одной группой источников, полезной для изучения нашей темы, являются свидетельства христианских историков. От светских летописцев их отличает отсутствие мировоззренческих обязательств перед властью и готовность дать оценку происходившему со стороны преследуемого меньшинства. Приведем два известных текста, принадлежащих Евсевию Кесарийскому и Сульпицию Северу. Евсевий Кесарийский (263 – 340 гг. н.э.), «отец церковной истории», застал два периода существования христианства: гонения и свободу. В своем монументальном труде «Церковная история» он подробно описывает все те ужасы преследований, которым подвергались последователи Христа в эпоху господства язычества. Мы приведем отрывок, в котором он ссылается на переписку Плиния Младшего с Траяном, уже как на общеизвестный исторический факт. Вот что пишет Евсевий:

В то время многие места охватило такое гонение на нас, что Плиний Секунд, из наместников самый знаменитый, встревоженный большим числом мучеников, написал императору о большом числе людей, гибнущих за веру, и тут же сообщил, что не смог уличить их в нече-

стии и в чем-либо противозаконном; встав на заре, они воспевают Христа как Бога; запрещают прелюбодействовать, убивать и совершать другие подобные проступки; поступают они во всем по законам.

В ответ Траян издал указ: христиан не разыскивать; попавшегося наказывать. Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом — его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены^[20].

Евсевий отмечает в этом тексте, что, хотя Траян и не стал на этот раз инициатором гонений на общегосударственном уровне, тем не менее, «людей, желавших навредить нам, ... оставалось ничуть не меньше». Он говорит, что преследования и унижения христиан происходили не только со стороны имперской администрации: чернь и местные власти ненавидели верующих во Христа, а это приводило к тому, что «многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены». Данное замечание позволяет нам считать, что к началу II столетия общественное мнение о христианах как о негодных людях, было сформировано и выражалось в инициативе не только «сверху», но и «снизу». Местные чиновники, опираясь на ненависть масс, вершили свои дела, в каком-то отношении даже противоречащие указам императора.

^[20] Евсевий Кесарийский. Церковная история, III, 33.

^[21] Сульпиций Север. Священная история, II, 29.

Другой церковный историк, Сульпиций Север (363 — 410 г. н.э.), автор «Священной истории», повествуя о событиях трехвековой давности, сообщает:

Тем временем, когда число христиан значительно возросло, случилось, что Рим был разрушен пожаром, в то время, как Нерон находился в Анции. Но, все же, во всем случившемся винили ненавистного принцепса, ибо, как считали, он хотел прославиться, как строитель нового города. Как Нерон ни старался, не мог истребить позорящей его молвы о преднамеренном поджоге.

Чтобы прекратить слухи, он обвинил христиан, и самые жестокие пытки постигли невинных. Мало того, были изобретены новые виды казни: многих зашивали в звериные шкуры, и они погибли, растерзанные собаками; многие были распяты на кресте, другие — сожжены с наступлением темноты, используемые в качестве ночных светильников. Таким образом, свирепость впервые была проявлена по отношению к христианам.

Впоследствии, когда их религия была запрещена в соответствии с выпущенными эдиктами, тогда открыто объявили, что преступлением является сама принадлежность к христианству^[21].

Собственно, Сульпиций не говорит здесь ничего принципиально нового: он вторит Тациту, Светонию и Евсевию. Единственное, на что бы хотелось обратить внимание, это на его замечание о том, что «сама принадлежность к христианству является преступлением». Мы видим, что действия власти, направленные на уничтожение группы людей, идентифици-

рованной по признаку религиозной принадлежности, вполне можно определить, как геноцид. Образ христиан был сознательно «демонизирован» язычниками, дабы обрести некое «моральное право» на истребление инакомыслящих.

ОПРОВЕЖДЕНИЯ ЛЖИ О ХРИСТИАНАХ В ТРУДАХ АПОЛОГЕТОВ

◆ Наконец, рассмотрим последнюю группу литературных источников, также проливающих свет на наш вопрос, — творения христианских апологетов. Пожалуй, эти источники дают наиболее объективную и содержательную картину того, как обстояло дело, поскольку цель этих произведений — опровержение негативных характеристик, приписываемых верующим во Христа.

Иустин Философ (100 — 165 гг. н.э.) — апологет Ранней церкви, закончивший свою жизнь мученическим подвигом (обезглавлен по приказу префекта Рустика), был одним из первых, избравших жанр апологии для защиты христианского учения от критики врагов. Его «Апологии», формально адресованные императору и Сенату, имели задачей опровергнуть ложные представления об учении Христа, и популяризовать правду среди умеющего читать населения Империи. История не дает нам свидетельств о том, что Антонин Пий, кому была адресована «Первая апология», или Сенат, для которого написана «Вторая апология», действительно читали их. Но совершенно очевидно, что эти книги стали достойным ответом лжесвидетельству против верующих.

^[22] Иустин Философ. Первая апология. 5-6.

^[23] Там же. 12.

В «Первой апологии» Иустин опровергает обвинения христиан в безбожии (которое было тогда уголовным преступлением), обвинения в политическом перевороте и преступлениях против нравственности. Отвергая обвинения в безбожии, он пишет:

Мы признаемся в безбожии, если речь идет о таких (языческих — прим. автора) богах, а не о единственно истинном Боге, Отце праведности, воздержанности и всякой добродетели, свободном от скверны. Ему же и Сыну, исшедшему от Него и научившему нас всему, и воинству добрых ангелов, следующих за Ним, и Духу пророчеств мы поклоняемся и возносим хвалу, ибо Их познали в разуме и истине^[22].

Другими словами, он заявляет, что христиане — не атеисты-преступники, а почитатели иного Божества, потому их нельзя обвинять. Опровергая клевету в стремлении к свержению существующей власти, Иустин заявляет:

Что же касается до общественного спокойствия, мы вам содействуем и способствуем в том более всех людей, ибо мы держимся того учения, что ни злодею, равно как ни корыстолюбцу, ни злоумышленнику, ни добродетельному невозможно скрыться от Бога, и что каждый по качеству дел своих получит вечное мучение или спасение. Если бы все люди знали это, то никто не избирал бы зла на краткое время жизни, зная, что он идет на вечное осуждение огненное, но всемерно сдерживал бы себя и украшался бы добродетелью, чтобы получить блага Божия и избегнуть наказаний^[23].

Не менее твердо и однозначно автор отвергает еще два глупых обвинения: в необузданном разврате на собраниях, и в нежелании заботиться о детях.

Основание, почему мы отвращаемся подкидывать детей, — то, чтобы из подкинутых не умер кто, если не будет скоро взят, и чтобы нам не сделаться человекоубийцами. Но мы или вступаем в брак, не иначе, как с тем, чтобы воспитывать детей, или, отказываясь от брака, постоянно живем в воздержании. И что-

неправосудном деле, вопрошая: «За что караете вы человека — не прелюбодея, не блудника, не убийцу, не вора, не разбойника, не уличенного ни в каком преступлении, кроме того, что носит имя «христианин»? Твой суд, о Урбик, недостойн нашего небожного императора [имеется в виду Марк Аврелий], оскорбляет филосо-

---

Власти Рима открыто объявили, что преступлением является сама принадлежность к христианству. Поэтому образ христиан был сознательно «демонизирован» язычниками, дабы обрести некое «моральное право» на истребление инакомыслящих.

бы доказать вам, что срамное совокупление у нас не составляет какого-либо таинства, — один из наших подал александрийскому префекту Феликсу прошение, чтоб он позволил врачу оскотить его, ибо тамошние врачи говорили, что без позволения префекта им нельзя это делать. Когда же Феликс никак не хотел подписать прошение, то молодой человек остался девственником и довольствовался своим собственным сознанием и сознанием единомысленных с ним^[24].

«Вторая апология» продолжает рассмотрение вопросов, разбираемых в «Первой», и описывает историю обращения в христианство одной распутной женщины, муж которой был возмущен ее отказом от участия в совместных развратных делах и последующим разводом с ним. Он, пользуясь связями, убедил префекта Урбика, посадить в тюрьму наставника своей жены, который вскоре был казнен. Иустин обличает префекта в

фа, сына кесаря [сомонарх и наследник престола Коммодий], оскверняет священный сенат!»^[25]. Эти тексты демонстрируют читателям, что христиане были обвиняемы в супружеской неверности безосновательно, только лишь по принадлежности к своей вере. Иустин, первый из апологетов, выразил ряд обвинений в адрес Церкви и опроверг их.

В апологии «Октавий», принадлежащей перу латинского адвоката из Африки **Минуция Феликса** (умер в 210 г. н.э.), можно отметить несколько видов обвинений. Христиане, в представлении язычников, — «необразованные, невежды, чуждые понятия о самых простых искусствах, осмеливаются рассуждать о сущности вещей и Божестве, о чем в продолжение стольких веков спорят между собой философы различных школ»^[26]. Учеников Христа также обвиняют в том, что они, проповедуя доброго и щедрого Бога, сами живут в нищете:

Большая часть из вас, притом лучшая, как вы говорите, терпит бедность, страдает от голода и холода,

^[24] Там же. 29.

^[25] Иустин Философ. Вторая апология. 2.

^[26] Минуций Феликс. Октавий. Гл. 5.

обременена тяжким трудом, и вот Бог допускает это или будто не замечает: Он не хочет или не может помочь вам; значит Он слаб или несправедлив. Вы чуждаетесь даже благопристойных удовольствий, не посещаете зрелищ, не присутствуете на праздниках наших... Несчастные, вы и здесь не живете, и там не воскреснете^[27].

Как и другие источники, Минуций приводит обвинение христиан в безнравственности, кровосмешении и каннибализме.

Говорят, что посвященному в их общество предлагается младенец, который, чтобы обмануть неосторожных, покрыт мукою: и тот, обманутый видом муки, по приглашению сделать, будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда — о, нечестие! Присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собой его члены.

А их вечера известны. Когда после различных яств пир разгорится, а вино воспламенит в них пыл любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник; в бесстыдной темноте они предаются без разбора объятиям и отвратительной похоти^[28].

Сходные с этими обвинения приводит и **Тертуллиан** (155 — 220 гг. н.э.), выдающийся раннехристианский писатель, в своем «Апологетике». Он вто-

рит Минуцию Феликсу, ссылаясь на популярные в те годы легенды об «ужасах» христианских собраний:

Говорят, что в наших мистериях мы убиваем ребенка, съедаем его, и после этого пира мы совершаем развратные поступки, между тем как собаки, пособники наших постыдных наслаждений, тушат факелы, освобождая нас от излишнего света и стыда за позорные страсти. Вы толкуете об этом давно, но ни разу не подумали разузнать правду с тех пор, как начали говорить об этом^[29].

Тертуллиан указывает на то, что верующих обвиняют в колдовстве и порче. Им приписывают все природные бедствия: «Если Тибр выходит из берегов или Нил не поднимается и поля остаются без воды, если небеса остаются неподвижны или твердь земная колеблется, если наступает голод или приходят болезни, сразу же слышен вопль: христиан на арену!»^[30]. Не обходит вниманием он и претензии в непочтительности к изображению императора, утверждая, что лучше уж быть хорошим гражданином, и жизнью своей доказывать верность цезарю, чем уподобиться Бруту, приносившему жертвы и клявшемуся гением правителя, и вероломно убить его^[31].

Рассмотренные примеры ссылок на труды апологетов — лишь малая часть того, что можно было бы прочесть по данному вопросу. Однако даже этих примеров будет достаточно, чтобы понять, каким представляли христиан народная молва и официальная языческая пропаганда.

^[27] Там же. Гл. 12.

^[28] Там же. Гл. 8-9.

^[29] Тертуллиан. Апологетик. Гл. 7.

^[30] Там же. Гл. 40.

^[31] См. Апологеты: защитники христианства. / Лекции проф. Казанской Дух. Акад. Реверсова И.П. — С. 161.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕДОСТИГНУТЫЕ ЦЕЛИ ОБВИНИТЕЛЕЙ

◆ Литературные источники периода Ранней церкви хранят множество свидетельств о том, какое мнение о христианах существовало в среде языческого сообщества. Некоторые труды не дошли до нас в виде цельных произведений. О многих мы узнаем только из цитат апологетов и церковных писателей, опровергающих ложные представления о верующих. Мы рассмотрели несколько групп литературных источников:

1. Труды врагов и критиков христианства (Цельса, Порфирия, Лукиана Самосатского).
2. Свидетельства светских историков и политиков той эпохи (Тацита, Светония, Плиния Младшего).
3. Свидетельства христианских церковных историков (Евсевия Кесарийского и Сульпиция Севера).
4. Творения защитников веры — апологетов (Минуция Феликса, Иустина Философа, Тертуллиана).

Исследованные тексты показывают, как относились к христианам в Римской империи II — III вв. Если суммировать наши наблюдения, можно составить список основных обвинений, предъявляемых язычниками к последователям Христа. Вот примерный перечень обвинений.

1. Невежество.
2. Корыстные мотивы распространения веры.
3. Примитивность и нелогичность учения.
4. Фанатизм и суеверие.
5. Поклонение «чуждому» Богу.
6. Разврат.

7. Канныализм.
8. Мятеж против государства.
9. Колдовство и наведение порчи.
10. Атеизм (безбожие).
11. Разрушение семейных уз.
12. Бедность, забитость и убогость.

Некоторые обвинения явно рождены народной молвой, некоторые же имеют более осмысленную официальную природу (атеизм, подрыв государственности). Их можно назвать продуктом агонизирующего римского язычества, тщетно старавшегося продлить свой век. При этом стоит отметить, что не только простолюдины брали на вооружение эти аргументы: их, как мы видели, использовали уважаемые литераторы, историки и чиновники.

В чем же были настоящие причины, возводимой на христиан, клеветы? Во-первых, главная, всеисторическая причина — в противостоянии лжи и истины, дьявола и Бога, падшего человеческого естества и Божьей чистоты и святости. Это противостояние мы наблюдаем на страницах Библии: оно началось еще в Эдемском саду, где Сам Творец вступил в противостояние с грехом и ложью. Им Самим была «положена вражда» между семенем змея и семенем жены, поразившим лукавого в голову на Голгофе (Быт. 3:15). Вражда грешников со святыми выражалась в неприязни божьей воли, передаваемой через ветхозаветных пророков, в непрестанном идолопоклонстве, манящем Израиль. В предсмертной проповеди диакона Стефана просто и точно обозначен этот конфликт грешников и праведников: «Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы!» (Деян. 7:57). Поэтому совершенно естественно то, что рим-

кое язычество активно противилось христианству первых столетий.

Во-вторых, другая причина клеветы и наветов в том, что христиане со своей верой в Иисуса не давали грешникам спокойно грешить. Последователи Христа не участвовали в «распутстве», которому был подвержен языческий люд, что вызывало удивление, негодование, возмущение и агрессию со стороны грешников (1 Пет. 4:3-4). Все непонятное в вере и практике христиан было интерпретировано воспаленным грехом языческим разумом как опасное, распутное, греховное. Аполитичность верующих, уход со зрелищ, пренебрежение поклонением иным богам — все это было истолковано как попытка ниспровергнуть древние обычаи и традиции, что в древнем мире граничило с кощунством. Язычники интуитивно чувствовали моральное превосходство последователей Христа над собой, и это вызывало у них озлобление. Как писал В. Белинский: «Для низких натур ничего нет приятнее, как мстить за свое ничтожество, бросая грязью своих воззрений и мнений в святое и великое»^[32].

Клевета и ложь в отношении Церкви и сегодня являются орудиями, используемыми миром. Те же причины, что и в первые века христианства, заставляют противников открывать уста против святых. Те же методы используются клеветниками, а порою и те же самые обвинения. Можно вспомнить несколько типичных обвинений из истории Церкви на советском и постсоветском пространстве XX — XXI вв. Главным обвинением в советский период было в том, что верующие, якобы, стремятся к разру-

шению государственности. Христиане, не соглашавшиеся с безбожной коммунистической идеологией, но бывшие при этом добропорядочными гражданами своей страны, преследовались по обвинению в антисоветской деятельности, в чем мы видим удивительное сходство с языческой клеветой первых столетий. Как в эпоху римских императоров христианство было инородным телом в безбожном обществе, так и в эпоху современного безбожия Церковь была неужодна сильным мира сего. Моральный облик евангельских верующих был искажен и обесчещен: нетрудовые доходы, выманивание руководителями денег у простодушных прихожан, интеллектуальное насилие над несовершеннолетними — все это приписывалось верующим. Слово «баптист» было возведено в ранг ругательных слов: под ним объединялись все неправославные конфессии. Этим именем клеймили и запугивали. Как и во времена Римской империи, верующих обвиняли в различных противозаконных аморальных действиях. Например, из-за того что крещения проводились ночью в потаенных местах (днем власти не позволили бы крестить), у обывателей складывалось впечатление что верующие ночью совершают какие-то преступные деяния. Было популярным (и до сих пор остается таковым) ничем не обоснованное заявление, но с поразительной точностью совпадающее с обвинениями римских язычников: «Баптисты на собраниях тушат свет и предаются разврату!» Историк Вальтер Заватски в своей книге «Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны» приводит множество документальных свидетельств подобного отношения к христианам XX столетия^[33].

^[32] Рыцарь словесности. П. Астраханцев.

После падения коммунистической идеологии в СССР и обретения Церковью относительной свободы, в обозначившейся конкуренции между православной и протестантской церквями, можно наблюдать продолжение обвинений, которым подвергаются протестанты. Многочисленные теле-репортажи активно формируют мнение об евангельских верующих, как о сектантах, вовлекающих в свои ряды adeptов. Верующие евангельского толка вновь получают статус политически неблагонадежных граждан.

В этих обвинениях сквозит идея чужеродности обществу, намеки на скрытую опасность, как бы исходящую от протестантов. Эти тенденции были хорошо обрисованы еще в 2000 году российским публицистом Игорем Подберезским. С ними можно ознакомиться, полистав сборник его статей «Протестанты и другие»^[34].

Как в древние времена, так и сегодня клевета преследует одни цели: отвлечь грешников от познания истины и покаяния, и увести в дебри бездумья, атеизма или мертвой религиозности. И в этом нет ничего удивительного, ибо: «желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Здесь же можно вспомнить слова Спасителя, предупреждавшего учеников: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!» (Лук. 6:26). То, что не смогли сделать клеветы и гонения, с успехом сделали власть и свобода, полученные Церковью в середине IV века. Некоторые исследователи Церковной истории (например, Гиббон) заявляют, что жертвы преследования среди протес-

тантов во времена инквизиции значительно превосходят число жертв гонений со стороны римских императоров^[35].

Жизнь показала, что Ранняя церковь пережила клевету зложелателей. Можно даже сказать, что обвинения сыграли роль «прививки», повысив-

---

Как в древнеримском языческом обществе христианство было инородным телом, так и в эпоху современного безбожия Церковь была неуютна сильным мира сего. И здесь мы видим удивительное сходство с языческой клеветой первых столетий.

шей у верующих иммунитет к греху. Ложь обвинителей была опровергнута временем. Борясь с нею, христианские авторы написали ряд замечательных трудов, разъясняющих смысл веры путем опровержения глупых обвинений. Главным же оружием в борьбе с этой напастью, подарившим победу церкви, была вера: рожденное от Бога победило тлен мира (1 Ин. 5:4). Добродетельная жизнь верующих опровергла всё, что было сказано и написано противниками (1 Пет. 3:16). Публичные заявления апологетов — лишь озвученный и сформулированный протест, который выразился жизнью мучеников. Попытки приписать христианам чуждые им пороки привели не к истреблению учения

гие: Религиозная публицистика: Сборник статей. — СПб.: Мирт, 2000. — 392 с.

^[35] См. Шафф Ф. История христианской Церкви. Т. II: Доникийское христианство. — С. 66.

^[33] Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. — М., 1995. — 559 с.

^[34] Подберезский И. В. Протестанты и дру-

Христова, а лишь к массовым жертвам последователей. Это доказывает, что ложные обвинения не способны победить истину, а многочисленность мучеников лишь подтверждает жизнеспособность идеи, за которую люди готовы были умереть. Финальное свидетельство о поражении римского

язычества прозвучало в предсмертном крике Юлиана Отступника (331 — 363 гг. н.э.): «Ты победил меня, Галилеянин!»^[36]. Римское язычество ушло с мировоззренческой сцены навсегда, уступив место учению Распятого и Воскресшего Бога! Что ожидает современных клеветников?

Библиография

- Апологеты: защитники христианства. / Лекции проф. Казанской Дух. Акад. Реверсова И.П. СПб.: Сатис, 2002. — 189 с.
- Брент Аллен. Игнатий Антиохийский. Епископ-мученик и происхождение епископства / Пер. с англ. М.: Издательство ББИ, 2012. — 186 с.
- Гораций. Послания к Писсонам об искусстве и поэзии // Библиотека Максима Мошкова. — URL: http://lib.ru/ROEEAST/GORACIJ/hor2_3.txt (дата обращения 13.04. 2015).
- Евсевий Кесарийский. Церковная история // Библиотека «Вехи». — URL: <http://www.vehi.net/istoriya/cerkov/pamfil/cerkovist/history.html> (дата обращения 21.04. 2015).
- Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. — М., 1995. — 559 с.
- Иустин. Апологии 1 и 2. // Библиотека Якова Кротова. — URL: <http://krotov.info/acts/02/02/iustin.html> (дата обращения 22.04.2015).
- Ксенофан. Фрагменты // Библиотека Максима Мошкова. — URL: http://az.lib.ru/z/zelinskij_f_f/text_0200.shtml (дата обращения 13.04.2015).
- Луиджи Джуссани. Религиозное чувство. — М.: Христианская Россия, 2000. — 180 с.
- Лукиан. Сочинения. Т. II. СПб.: Алетейя, 2001. — 544 с.
- Миллер А. История христианской Церкви. Т. I. Издательство “GBV”, 1992. — 705 с.
- Минуций Феликс. Октавий. Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1998. - С. 545-590.
- Письма Плиния Младшего. Книга X, письмо 96 // Библиотека Якова Кротова. — URL: <http://www.krotov.info/acts/02/01/pliniy.html> (дата обращения 17.04.2015).
- Платон. Государство // Библиотека Максима Мошкова. — URL: <http://lib.ru/>
- РОEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt (дата обращения 13.04.2015).
- Подберезский И. В. Протестанты и другие: Религиозная публицистика: Сборник статей. — СПб.: Мирт, 2000. — 392 с.
- Против Цельса: Апология христианства. Сочинение Оригена Учителя Александрийского. — М.: «Экуменический центр ап. Павла», 1996. — 365 с.
- Ранович А. Б. Античные критики христианства (Фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.). — М.: ГАИЗ, 1935. — 259 с.
- Рыцарь словесности. П. Астраханцев // Литературно-художественный портал «Имба-читальня». — URL: <http://www.chitalnya.ru/work/356707/> (1.09.2015).
- Санатала Р. Апостол Павел. СПб.: Библия для всех, 1997. — 179 с.
- Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: «Правда», 1988. — 480 с.
- Священная и церковная история христианского историка Сульпиция Севера. — М., 1915. — 138 с.
- Стюарт Дж. Холл. Учение и жизнь Ранней церкви / Пер. с англ. — Новосибирск: Посох, 2000. — 324 с.
- Тацит. П. К. Анналы. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/tacit/> (8.04.2015).
- Тертуллиан. Апологетик // The Tertullian Project. — URL: http://www.tertullian.org/russian/apologeticum_rus.htm (22.04.2015).
- Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Святых Отцов. Т. I. / Пер. с англ. Лопухина А.П. Издание Сретенского монастыря, 2001. — 671 с.
- Феодорит Кирский. Церковная история. Глава 25. Об убийстве царя Юлиана в Персии // Православная энциклопедия «Азбука веры». — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/cerkovnaya_istoriya/3_25 (дата обращения 23.04. 2015).
- Шафф Ф. История христианской Церкви. — Т. I: Апостольское христианство. / Пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2007. — 585 с.
- Шафф Ф. История христианской Церкви. — Т. II: Доникийское христианство. / Пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2007. — 589 с.

^[36] Феодорит Кирский. Церковная история. Пл. 25.